

Политико-правовые дихотомии латиноамериканской внешнеполитической традиции

© Перунов В.А., Байков А.А., 2026

Валерий Александрович Перунов, аспирант кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России, младший научный сотрудник ИМИ МГИМО.

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

ORCID: 0009-0000-8559-4108

E-mail: perunovw@mail.ru

Андрей Анатольевич Байков, канд. полит. наук, профессор кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0003-0432-4603

Email: a.baykov@inno.mgimo.ru

Аннотация. Для преодоления вызовов региональной стабильности в условиях дефицита мощи латиноамериканские государства выработали легалистскую внешнеполитическую традицию. Авторы исследования выделяют оригинальную комбинацию стимулов и ограничений внешней среды, а также анализируют историко-политические и цивилизационные истоки формирования внешнеполитической традиции, воплотившейся в серии влиятельных политико-правовых доктрин региональной стабильности (доктрины Драго, Кальво, Тобара, Эстрады, Ларреты, Сааведра Ламаса, Брюма). К историко-политическим истокам легалистского подхода во внешней политике авторы относят недостаток силовых ресурсов для симметричного ответа на вызовы внешней среды, а также исторический контекст обретения независимости до универсализации норм международного права, связанных с деколонизацией и самоопределением народов. В качестве цивилизационного источника авторы выделяют то, что они концептуализировали как наследие иберийской антропосферы, в особенности влияние Саламанкской школы и идей эпохи Просвещения. Вместе с тем эволюция латиноамериканского внешнеполитического поведения демонстрирует не только доминирование легалистской (боливарианской) традиции, но и наличие антагонистической ей сантандеровской традиции: в основе первого течения лежит принцип силы права, а в основе второго – права силы. Ситуативный выбор в пользу доктринального или контрдоктринального способа преодоления вызовов региональной стабильности авторы обозначают как дихотомии внешнеполитической традиции латиноамериканских государств. В основе методологии, применяемой в статье, лежат сравнительно-исторический метод для выделения особенностей латиноамериканской традиции, методы исторической реконструкции (отслеживания процессов / process tracing) и системный подход М.А. Хрусталева.

Ключевые слова: легализм, Латинская Америка, внешняя политика, политико-правовые доктрины, боливарианская традиция, право силы, нормативная дихотомия, международное поведение, цивилизационное наследие

Для цитирования: Перунов В.А., Байков А.А. (2026) Политико-правовые дихотомии латиноамериканской внешнеполитической традиции. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 40–66. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-1-40-66

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2026. 1. P. 40–66
DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-1-40-66

Recibido 28.04.2025
Revisado 16.08.2025
Aceptado 26.12.2025

UDC 94:327

Dicotomías político-jurídicas de la tradición latinoamericana en la política exterior

© Perunov V.A., Baykov A.A., 2026

Valery A. Perunov, doctorando del Departamento de Análisis Aplicado de Problemas Internacionales, Investigador científico del Instituto de Investigaciones Internacionales (IMI), MGIMO Universidad. 119454, Moscú, avenida Vernadskogo, 76

ORCID: 0009-0000-8559-4108 E-mail: perunovw@mail.ru

Andrey A. Baykov, PhD (Ciencias políticas), Profesor Catedrático del Departamento de Análisis Aplicado de Problemas Internacionales, MGIMO Universidad.

ORCID: 0000-0003-0432-4603 E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Resumen. Para superar los desafíos de la estabilidad regional en condiciones de déficit del poder, los estados latinoamericanos han elaborado una tradición legalista en su política exterior. Los autores identifican una combinación original de estímulos y limitaciones del entorno externo, y analizan los orígenes histórico-políticos y civilizacionales de la formación de esta tradición en la política exterior que se ha materializado en una serie de influyentes doctrinas político-jurídicas de estabilidad regional (a saber, doctrinas Drago, Calvo, Tobará, Estrada, Larreta, Saavedra Lamas, Brum). Entre los orígenes histórico-políticos se señala la falta de recursos para responder simétricamente a los retos del entorno exterior y el contexto histórico en el que los países del continente latinoamericano obtuvieron independencia antes de la universalización de las normas del derecho internacional relacionadas con la descolonización y la autodeterminación de los pueblos. Como fuente civilizacional se identifica el legado de la antroposfera ibérica, especialmente la influencia de la Escuela de Salamanca unida a la popularidad de las ideas de la Ilustración. Sin embargo, la evolución del comportamiento diplomático latinoamericano demuestra no solo el predominio de la tradición legalista (bolivariana), sino también la existencia de la tradición antagonista santanderista: la primera corriente se basa en el principio de la fuerza de la ley, mientras que la segunda, en el derecho de la fuerza. Esta elección situacional entre el método doctrinal o contradoctrinal para enfrentar los desafíos de la estabilidad regional la denominan como dicotomías de la tradición diplomática de los países latinoamericanos. Entre los métodos aplicados por los autores se encuentran el método com-

parativo-histórico para identificar características específicas de la tradición latinoamericana, los métodos de reconstrucción histórica (seguimiento de procesos/process tracing) y el enfoque sistémico de M.A. Khrustalev.

Palabras clave: legalismo, América Latina, política exterior, doctrinas político-jurídicas, tradición bolivariana, ley del más fuerte, dicotomía normativa, comportamiento internacional, patrimonio civilizacional

Para citar: Perunov V.A., Baykov A.A. (2026) Dicotomías político-jurídicas de la tradición latinoamericana en la política exterior, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 40–66. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-1-40-66

Declaración de divulgación: Los autores declaran que no tienen ningún potencial conflicto de interés.

RESEARCH ARTICLE

Iberoamerican Papers. 2026. 1. P. 40–66
DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-1-40-66

UDC 94:327

Received 28.04.2025
Revised 16.08.2025
Accepted 26.12.2025

Political and Legal Dichotomies of the Latin American Foreign Policy Tradition

© Perunov V.A., Baykov A.A., 2026

Valery A. Perunov, postgraduate student at the Department of Applied Analysis of International Problems, research fellow at the Institute for International Studies (IMI), MGIMO University. 119454, Moscow, Vernadskogo avenue, 76

ORCID: 0009-0000-8559-4108 E-mail: perunovw@mail.ru

Andrey A. Baykov, PhD (Political Sciences), Professor at the Department of Applied International Analysis, MGIMO University.

ORCID: 0000-0003-0432-4603 E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Abstract. In order to overcome regional stability challenges stemming from limited power resources, Latin American states have developed a legalistic foreign policy tradition. The authors highlight an original combination of incentives and constraints shaped by the external environment and analyze the historical, political, and civilizational origins of the foreign policy tradition embodied in a series of influential politico-legal doctrines of regional stability, such as the Drago, Calvo, Tobar, Estrada, Larreta, Saavedra Lamas, and Brum doctrines. They also trace the legalistic approach to historical and political factors, including limited resources for developing a symmetrical response capacity to external challenges, as well as the historical context in which independence was gained prior to the universalization of international legal norms related to decolonization and self-determination of peoples. The authors conceptualize the Iberian intellectual heritage as a civilizational source, emphasizing the role which was played by the School of Salamanca and Enlightenment ideas in shaping the tradition. While the evolution of Latin American foreign policy behavior demonstrates the dominance of the legalistic or Bolivarian tradition, it also reveals an antagonistic Santanderian approach: the former rests on the rule of law whereas the latter is grounded in the principle that might makes right. The

authors also conceptualize the situational choice between doctrinal and counter-doctrinal approaches to addressing regional stability challenges as a core dichotomy within Latin American foreign policy. At the core of the methodology applied in the article is a comparative-historical method employed for identifying specific features of the Latin American tradition, alongside methods of historical reconstruction (process tracing) and the systemic approach developed by M.A. Khrustalev.

Key words: legalism, Latin America, foreign policy, political and legal doctrines, bolivarian tradition, right of force, normative dichotomy, international behavior, civilizational heritage

For citation: Perunov V.A., Baykov A.A. (2026) Political and Legal Dichotomies of the Latin American Foreign Policy Tradition, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 40–66. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-1-40-66

Disclosure statement: The authors declare no potential conflict of interest.

Специфика латиноамериканского ответа на вызовы региональной стабильности заключается в возникновении развитой легалистской традиции. Отечественный исследователь М.В. Федоров отмечает: «Саму историю Латинской Америки можно определить как историю правового разрешения региональных споров и противоречий, нахождения правовых барьеров против вмешательства извне и подготовки условий для обеспечения регионального единства»¹. Как и почему сформировалась такая традиция? В чем она выражалась конкретно исторически? Мы полагаем, что основаниями легалистского характера внешнеполитической традиции латиноамериканских государств послужили особенности их нациецивилизационного генезиса и дальнейшего исторического пути, в ходе которого был выработан набор т.н. политико-правовых доктринальных дихотомий, образующих в сумме весьма любопытную с концептуальной и практической точек зрения парадигму действия и воплощающих опыт, востребованный в контексте текущего кризиса миропорядка.

Различные аспекты латиноамериканского внешнеполитического легализма подробно описаны в работе под ред. Абашидзе А.Х. и Солнцева А.М. [Абашидзе, Солнцев, 2017], однако этот труд не обобщает их в целостную объяснительную конструкцию. Значимый вклад в выявление цивилизационных и исторических оснований данной специфики внесли зарубежные исследователи В. Менезес [Menéses, 2010], К. Сиккинк [Sikkink, 2015], М. Фернандес Кальсада [Fernández Calzada, 2025], а также отечественные специалисты, например Б.Ф. Мартынов [Мартынов, 2000; Мартынов, 2015; Мартынов, 2019; Мартынов, 2024], Я.Г. Шемякин [Шемякин, 2001; Шемякин, 2017; Шемякин, 2025], В.П. Сударев [Сударев, 2008]. О латиноамериканских

¹ Федоров М.В. Международно-правовые взгляды С. Боливара. Международный правовой курьер. URL: <https://inter-legal.ru/mezhdunarodno-pravovye-vzglyady-simona-bolivara> (дата обращения: 16.10.2025).

политико-правовых доктринах писали И.А. Арсеньев, В.И. Блищенко [Арсеньев, Блищенко, 2011], А.А. Нагиева [Нагиева, 2019]. Важный вклад в систематизацию латиноамериканских политико-правовых доктрин региональной стабильности внесла М.В. Голубева [Голубева, 2023].

Гипотеза данного исследования состоит в следующем: сочетание историко-политических и цивилизационных факторов лежит в основе формирования легалистской внешнеполитической традиции латиноамериканских государств, ставшей их уникальным способом преодоления вызовов региональной стабильности и выразившейся в комбинации политико-правовых доктрин. Следование доктринальной традиции доминирует в латиноамериканской истории, однако имеет место и контрдоктринальный способ поведения, что позволяет говорить о дихотомиях латиноамериканского внешнеполитического поведения.

Актуальность изучения обозначенной темы обусловлена необходимостью поиска эффективных инструментов для ответа на вызовы текущего международно-политического кризиса. Учитывая, что международное право остается безальтернативным регулятором отношений государств, политико-правовые подходы выступают значимым претендентом на статус такого инструментария. К тому же усиление влияния малых и средних держав на международные отношения диктует потребность изучения их внешнеполитического опыта в области преодоления вызовов региональной стабильности. Соответствующий опыт латиноамериканских государств с их легалистской внешнеполитической традицией в этой связи представляет особый интерес.

Авторы данной статьи систематизировали основания легалистской специфики латиноамериканской внешнеполитической традиции и типологию вызовов региональной стабильности, а также дополнили перечень доктрин, представив их в виде оригинальных дихотомий политико-правовых способов противодействия вызовам внешней среды.

Исторические и цивилизационные основания легалистской внешнеполитической традиции латиноамериканских государств

Современная Латинская Америка, будучи по преимуществу порождением западной цивилизации, впитала в себя соответствующие политические и правовые ценности: принцип свободы выбора, развитую правовую систему государства, принцип верховенства права, ценности гражданского общества и важность автономии его институтов, права человека, толерантность и идейный плюрализм, государственный суверенитет [Шемякин, 2017]. Ещё Симон Боливар (Simón Bolívar, 1783–1830) отмечал влияние на него идей европейских и североамериканских просветителей: «Не уделяют столько внимания, как я, изучению Локка, Кондильяка, Бюффона, Д'Аламбера, Гельвеция, Монтескье, Мабли, Филанджери, Лаланда, Руссо, Вольтера, Роллена, Бертолле и всех классиков античности – философов, историков, ораторов

и поэтов, а также всех современных классиков Испании, Франции, Италии и в значительной степени Англии», а также средневековых испанских богословов и юристов².

Боливар не случайно особо выделял вклад испанских богословов: латиноамериканское правосознание имеет свои корни в каноническом правосознании Испании и Португалии и других католических государств, оттого и влияние доминиканской схоластики в лице, в частности, известного богослова философа и юриста Ф. де Витория (Francisco de Vitoria, 1483–1546), который впервые ввел в научный оборот само понятие “jus inter gentium”, то есть «международное право», постулировал правовое равенство всех государств и допускал применение силы только при нарушении естественных прав: на свободную торговлю и мореплавание, тем самым в зачатке обозначив категорию экономической безопасности [Мартынов, 2000: 21].

Восприемниками данного направления были юристы и мыслители Б. де лас Касас (Bartolomé de las Casas, 1474(1484)-1566), Ф. Суарес (Francisco Suárez, 1548-1617), А. Бельо (Andrés Bello, 1781-1865) (учитель С. Боливара). Последний, к примеру, считал неприемлемым вмешательство в дела других государств, только если последнее не вызвано необходимостью самозащиты [Bello, 1962: 511]. Вклад испанских юристов легко обнаружить и при анализе колониального периода развития Латинской Америки, поскольку для проведения судопроизводства использовалось так называемое кастильское право, то есть применяемое в испанской метрополии [Obregon, 2006: 815-832].

Заметим, что для латиноамериканского правового сознания характерно естественное право, то есть некие «высшие начала», ценности, принципы, а не прецедентное право, как у позитивистов, что больше характерно для США, которые придают меньшее значение зафиксированным в международных договорах положениям [Мартынов, 2000: 20]. Право воспринимается ими как механизм защиты, а не легитимации проводимого курса. Публицистическая формула современных американских юристов-международников «lawful, but awful» латиноамериканцам, в общем, чужда.

Зато латиноамериканцы в гораздо большей степени отсылались к принципу «uti possidetis» (владей, чем владеешь), активно пропагандировали использование инструментов для конфликто разрешения в виде «добрых услуг», арбитража, посредничества [Мартынов, 2000: 46]. Велик вклад латиноамериканских правоведов и в доктринальную разработку общих принципов международного права: суверенитета, невмешательства, равенства, территориальной целостности, самоопределения [Мартынов, 2024: 296].

² Федоров М.В. Международно-правовые взгляды С. Боливара. Международный правовой курьер. URL: <https://inter-legal.ru/mezhdunarodno-pravovye-vzglyady-simona-bolivara> (дата обращения: 16.10.2025).

Тем не менее главным основанием легалистского характера латиноамериканской внешнеполитической традиции является отсутствие возможности симметричного ответа на внешние силовые вызовы, исходящие от великих держав. Стремление компенсировать дефицит силовых ресурсов обеспечило приверженность несилowym методам разрешения споров, чьи решения признавались бы другими акторами.

Сверх того, возможно утверждать, что укреплению легалистской традиции изначально способствовала нелегитимная природа латиноамериканского государствогенеза, основанного на революционном сепаратизме от испанской короны, неприемлемом в рамках господствовавших в то время международно-правовых представлений. Такая природа государственности, особенно в условиях потенциально враждебной деятельности консервативно настроенного Священного союза европейских монархий, обусловила сугубо юридический характер дипломатической службы латиноамериканских государств, призванный обеспечить правовое, признаваемое другими, основание их существования. С этим связано и то, что международное право стало практически универсальным языком латиноамериканских государств, понятным и широко применимым для разрешения межгосударственных региональных споров.

Само явление нелегитимной деколонизации, произошедшей до универсализации антиколониального движения после Второй мировой войны, обеспечило латиноамериканским государствам уникальный временной лаг, который в сочетании с их историко-цивилизационными особенностями привел к утверждению собственной внешнеполитической традиции.

*Провозглашение Великой Колумбии на конгрессе в Кукуте
С. Боливаром и Ф. Сантандером, 1821 г.*

Представляется обоснованным сведение всех силовых вызовов латиноамериканской региональной стабильности к двум категориям: связанные с непосредственным применением силы (которые условно можно поделить на три разновидности: /а/ «латиноамериканское государство — метрополия /неометрополия/», /б/ «латиноамериканское государство — латиноамериканское государство», /в/ латиноамериканское государство как арена силового спора «метрополия /неометрополия/ — метрополия /неометрополия/») и связанные с вмешательством во внутренние дела, что можно считать более мягким, но таким же нелегальным способом навязать свою волю.

Политико-правовые доктрины

Структурная теория международной политики исходит из того, что повторяющиеся модели поведения государств существуют независимо от специфики внутреннего устройства последних. При этом очевидно, что анархичная природа международной системы способна порождать не только конфликт и соперничество, но и устойчивые, проверенные практикой формы взаимодействия, направленные на сохранение стабильности. В данной статье мы исследуем один из малоизученных механизмов такого упорядочивания — политико-правовую доктрину, инструмент, с помощью которого периферийные государства, в частности и, может быть, в особенности латиноамериканские, преобразуют абстрактные идеологемы в действенную внешнеполитическую программу по управлению региональной стабильностью.

Структура международной системы, диктуемая характером распределения потенциалов (capabilities), формирует для всех акторов общее поле принуждений и ограничений, а внешнеполитическая идеология, в свою очередь, задает государству иерархию приоритетов, конкретных целей и спектр допустимых способов их достижения.

В духе такого понимания мы попробовали бросить оригинальный теоретический взгляд на внешнеполитические политико-правовые доктрины, определяя их как научно оформленные и признаваемые в глазах профессиональных и эпистемических сообществ системы взглядов, выраженные в политических и правовых принципах, научных трудах и программных документах. Их цель — обосновать ответ на военно-политические вызовы, исходя из наличных ресурсов и возможностей государства. В основе нашей гносеологической модели лежит тезис о доктрине как форме конкретизации внешнеполитической идеологии. Идеология выступает своего рода «ДНК» доктрины. Если идеология — это абстрактный и довольно ригидный набор принципов, отвечающий на вопрос «Каким идеалам мы следуем, где он находится относительно текущего момента — в прошлом, настоящем или будущем; кто наши друзья, союзники и враги?», то доктрина операционализирует эти принципы, переводя их в плоскость политической

практики [Хрусталеv, 2008: 52]. Например, и доктрина Кальво (Carlos Calvo, 1824–1906) (о недопустимости дипломатического вмешательства для взыскания долгов), и доктрина Драго (Luis María Drago, 1859–1921) (о недопустимости военной интервенции для тех же целей) являются разными тактическими применениями одной более широкой идеологической установки – противодействия иностранному вмешательству и защиты суверенитета.

Наш анализ свидетельствует, что неотъемлемыми атрибутами доктрины являются ее персонализация, указание на иерархию приоритетов (например, определяя, что в данной ситуации важнее, суверенитет или безопасность). Для латиноамериканской традиции в целом характерен выбор именно суверенитета, но ярким примером обратного выступает доктрина Ларреты о допустимости вмешательства во внутренние дела во имя сохранения региональной стабильности. При этом конкретный политик или мыслитель, чьим именем названа доктрина, выступает не создателем идеологии с нуля, а ее интерпретатором, обеспечивающим не только инновационность и эффективность внешнеполитического курса, но и его преемственность. Говоря иначе, доктрина наследует идеологическое ядро, но предлагает новые способы его реализации в ответ на новые вызовы. Это и есть «инновация в рамках традиции». При этом практический результат, достигнутый благодаря доктрине, создает петлю обратной связи, проверяя и корректируя саму идеологию. В конечном счете это то звено, которое связывает уровень глубинной семантики культурно-идентитарного кода государства, его идеологические начала с уровнем тактического маневрирования в конкретных международно-политических ситуациях.

Политико-правовая доктрина предстает, таким образом, не эпифеноменом международной политики, неким второстепенным приложением к ней, а ее самостоятельной переменной. Будучи порождением и элементарной единицей внешнеполитической идеологии, она вместе с тем выступает и инструментом ее воплощения, и важнейшим механизмом проверки идеологии на адекватность вызовам и условиям среды.

Поскольку избранная нами методология — теоретизирование на системном уровне, постольку мы сознательно избегаем редукционизма, то есть абстрагируемся от анализа внутренних особенностей каждого отдельного государства. Нас интересует не уникальное содержание конкретной доктрины — будь то доктрина Кальво, провозглашающая недопустимость дипломатического вмешательства для взыскания долгов, или доктрина Эстрады (Genaro Estrada Félix, 1887–1937), отстаивающая право де-факто признавать правительства, пришедшие к власти неконституционным путем, — а их общая функция и общая логика формирования в латиноамериканском контексте. Структурно любая внешнеполитическая доктрина состоит из трех элементов: логико-теоретического основания, проистекающего из идеологии; содержательного ядра, где определяется иерархия

угроз и интересов; и, наконец, программной части, где идеология обретает плоть в виде конкретных политических целей, задач и приемлемых методов реагирования.

Но для Латинской Америки, исторически пребывающей на периферии мировой системы, именно сопряжение политического и правового инструментария, то есть преобладание политико-правовых внешнеполитических доктрин, стало уникальным изобретением, приспособленным для цели легитимации своих ответов на вызовы стабильности. Оформляя свою внешнеполитическую стратегию не просто как политический курс, но и как правовой принцип, государства региона стремились компенсировать свое структурное неравенство по отношению к внешним центрам силы. Подобная практика, как показывает пример доктрины Драго, которая была направлена против военной интервенции европейских держав для взыскания долгов и впоследствии нашла отражение в международном праве, повышала предсказуемость и стабильность региональной среды и укрепляла легитимность действий самих латиноамериканских государств.

Стабильность при этом трактуется нами вслед за А.Д. Богатуровым не как некое статичное состояние, а как динамический процесс, достигаемый через непрерывную адаптацию к структурным принуждениям среды [Богатуров, 1997]. Мы предлагаем модель такого динамического цикла, раскрывающую, как латиноамериканские государства воспроизводят региональную стабильность через выработку доктрин и их дальнейшее развитие. Цикл запускается вызовом — будь то вмешательство или силовая угроза. Этот вызов фильтруется через призму внешнеполитической идеологии государства, которая задает принципиальные рамки ответа — например, через приверженность принципу невмешательства во внутренние дела.

В этих идеологических рамках затем и формулируется персонифицированная доктрина, которая устанавливает иерархию приоритетов и правовое оформление и спектр допустимых мер. Так, в ответ на угрозу сепаратизма или иностранной интервенции может быть выдвинута доктрина, отдающая приоритет коллективной безопасности и наднациональному режиму даже в ущерб части суверенитета. Следующий этап — легитимация, когда доктрина облекается в форму правовых норм, международных договоров или конституционных поправок, что придает ей обязательную силу и выводит за рамки политической конъюнктуры. Наконец, результат ответа — будь то успех или провал — становится частью исторического опыта (институционализируется) и трансформирует исходную идеологию, подготавливая почву для нового цикла адаптации.

Латинская Америка с ее богатым корпусом доктрин служит идеальной лабораторией для тестирования этой модели. Политико-правовая природа доктрин, от доктрины Тобара (Carlos R. Tobar, 1853–1920), осуждавшей признание правительств, пришедших к власти неконституционным

путем, до современных концепций «ответственной защиты», обеспечивает эффективность всего цикла. Они превращают ситуативные политические решения в правовые константы, которые становятся новыми правилами игры, «нормализуя» практику. Вот почему региональная стабильность в регионе не застывшая цель, а продукт непрерывного доктринального творчества.

Сам по себе анархичный порядок не предопределяет, какой именно должна быть доктрина у Аргентины или Бразилии, но он создает среду, в которой выживание напрямую зависит от способности адекватно реагировать на внешнее давление. Структурный подход позволяет понять системные рамки, в которых рождаются доктрины, будь то аргентинская доктрина Кальво или мексиканская доктрина Эстрады, и почему именно эта форма адаптации оказалась жизнеспособной в специфических условиях Латинской Америки. Как будет показано, политико-правовая доктрина выступает именно такой рациональной, но регионально специфичной формой адаптации геополитических уязвимых стран определенной идейной традиции к универсально действующим структурным императивам международных отношений.

Разумеется, практика выдвижения политико-правовых доктрин не эксклюзивна для латиноамериканских стран. Этим инструментарием широко пользуются США. Однако в их структуре безраздельно господствует политический компонент, а право играет преимущественно обслуживающую, явно второстепенную роль.

Карикатура в американском журнале *Puck*
«Доктрина Монро: нет нарушениям границ — Америка для американцев». 1896

Пожалуй, наиболее известной внешнеполитической политико-правовой доктриной США является доктрина Монро (James Monroe, 1758–1831) 1823 года. Ее анализ по элементам политико-правовой доктрины можно кратко суммировать так: *основываясь на идее американского божественного предопределения, мы будем защищать наше право на господство в Западном полушарии (монопольное право на вмешательство во внутренние дела американских государств, запрет на такое вмешательство со стороны неамериканских держав) посредством сохранения зависимости от США иных государств региона и препятствия усилению внерегиональных держав, что будет достигаться за счет применения политико-экономического давления и военной силы.* На этом примере хорошо видно, что право используется как право сильного. Право возникает в силу обладания силой — типичный мотив великодержавного мировидения.

Совершенно по-иному выглядит анализ фундаментальной латиноамериканской политико-правовой доктрины С. Боливара: *основываясь на идее латиноамериканской независимости и солидарности, мы будем защищать наше право на суверенитет от всякого внешнего посягательства за счет объединения усилий и мирного плодотворного развития внутри латиноамериканской цивилизации, что мы собираемся реализовать путем образования латиноамериканского союза (конфедерации) (проведение Панамского конгресса в 1826 г.) с четкой системой принципов и ценностей.* Доктрина носит защитный характер, где политика направлена на объективно справедливое право, а не на право иностранного господства.

В современной международно-правовой литературе выделяются следующие лежащие в основе латиноамериканской системы международного права политико-правовые доктрины: доктрины Кальво, Драго, Тобара, Эстрады, Сааведра Ламаса (Carlos Saavedra Lamas, 1878–1959), Брюма (Baltasar Brum Rodríguez, 1883–1933) и Ларретты (Enrique Larreta, 1875–1961) [Menezes, 2010: 143; Голубева, 2023: 63–76].

Весьма существенно, что боливарианская внешнеполитическая традиция характерна для латиноамериканских государств, но не является единственной. Отдельные исторические деятели предпочитали выбирать стратегию агрессии или примыкания, когда преодоление вызовов региональной

*Портрет Симона Боливара,
основоположника идей
латиноамериканизма*

стабильности достигается не за счет солидарных латиноамериканских легалистских проектов, а благодаря приобретению зависимого статуса протектората «из рук» той или иной великой державы. Впоследствии в литературе вклад испанской, британской и иных метрополий померк на фоне политики «заднего двора» Вашингтона, что вылилось в появление антагонистического латиноамериканизму термина «панамериканизм».

В исследованиях зачатки панамериканского курса латиноамериканских государств нередко связывают с именем Ф. Сантандера (Francisco de Paula Santander, 1792–1840) [Глинкин, 1991: 107], который занимал посты вице-президента Великой Колумбии в 1819–1826 годах и президента Республики Новая Гранада в 1832–1837 годах. В период освободительной войны и длительное время после нее Ф. Сантандер и С. Боливар были соратниками, но со временем проявлялись всё большие идеологические разногласия. Так, С. Боливар предлагал опираться на латиноамериканское единство при умеренной поддержке со стороны великих держав, главным образом — Англии [Webster, 1938: 11], а Ф. Сантандер — на защиту и покровительство промышленно развитых государств. С. Боливар был против приглашения США на Панамский конгресс 1826 года. Ф. Сантандер настоял на обратном, хотя именно США прилагали большие усилия для срыва латиноамериканского интеграционного проекта [Исэров, 2011]. Безусловно, вклад Ф. Сантандера в становление севера континента многогранен, но в историографии он во многом запечатлен как один из главных оппонентов Освободителю и символ панамериканского курса. Политико-правовые доктрины С. Боливара и Ф. Сантандера являются начальными для двух антагонистических традиций — *боливаризма* и *сантандеризма*, где первый воплощается в характерном для латиноамериканцев принципе силы права, а во втором приоритет отдается праву силы.

«Идейный антагонист»
С. Боливара Франсиско Сантандер

Основные латиноамериканские внешнеполитические политико-правовые доктрины, их исторические основания и дихотомии применения

В период и после освободительных войн в первой четверти XIX в. великие державы агрессивно вмешивались во внутренние дела латиноамериканских государств; принятие решений на национальном уровне нередко принуждалось внешним давлением. Часть местных лидеров покорялись

латентному колониальному и полуколониальному статусу, другие как могли сопротивлялись ему. Так, Верховный директор Соединенных провинций Рио-де-ла-Платы К.М. Альвеар (Carlos María de Alvear, 1789–1852) в 1815 г. в письме к английскому послу Стрэнгфорду (Percy Smythe, 6th Viscount Strangford, 1780–1855) замечал, что его страна вовсе не может быть самостоятельной и призывал Лондон установить контроль над ее политическим курсом [Ларин, 2022: 449].

Ярким примером альтернативного курса стала созданная коллективными усилиями двух латиноамериканских юристов-международников К. Кальво и Л. Драго политико-правовая доктрина невмешательства.

Доктрина Кальво — это правовой взгляд высокопоставленного аргентинского дипломата, историка и юриста-международника К. Кальво на вопросы государственного суверенитета, невмешательства и равенства государств, разработанный им в 1867 г. в трактате «Derecho Internacional teórico y práctico de Europa y América». Основная идея состояла в следующем: граждане государства и иностранцы (нерезиденты) равны перед законом и не могут претендовать на больший уровень правовой защиты, включая дипломатическую защиту, если не исчерпан ресурс юридических институтов государства пребывания [Макшанцева, 2011: 79]. Иначе говоря, судебное преследование иностранного гражданина — внутреннее дело того государства, где оно ведется, а иностранное вмешательство, тем более силовые акции, недопустимы.

Важным дополнением этих идей послужила *доктрина Драго*. В период с 1902 по 1903 г. Л. Драго занимал пост министра иностранных дел Аргентины, а до дипломатической работы приобрел юридический опыт, что позволило ему внести вклад в становление латиноамериканской международно-правовой школы. Доктрина по своему содержанию сконцентрирована на силовом иностранном вмешательстве в связи с долговыми спорами.

К. Кальво и Л. Драго едины в главном — неприемлемости вмешательства во внутренние дела суверенных государств. В ряде работ доктрины упоминаются вместе и именуются доктринами Кальво – Драго [Вышинский, Лозовский, 1948].

Поводом для разработки доктрины Драго послужила трёхсторонняя агрессия Британии, Италии и Германии в 1902–1903 гг. после отказа президента Венесуэлы С. Кастро (Cipriano Castro Ruiz, 1858–1924) компенсировать убытки, понесенные европейскими странами в ходе недавно прошедшей в стране гражданской войны [Турыгин, 2021]. Отечественный классик М.А. Хрусталеv концептуализировал подобные явления как выражение противоречия между императивами соблюдения прав человека и обеспечения национального суверенитета, выливающегося в квазилегитимный предлог для иностранной интервенции [Хрусталеv, 2008: 18]. В доктрине Кальво – Драго ситуация, при которой национальный вопрос возмещения потерь становится поводом для международной интервенции, квалифицируется

как категорически недопустимая. Через призыв к должному уважению внутреннего порядка иностранных государств латиноамериканские юристы продвигали принцип государственного равноправия, согласно которому силовое вмешательство в дела суверенных стран неприемлемо ни под каким предлогом [Calvo, 1868: 80].

Впоследствии данные доктрины послужат основой для принципа неприменения силы против территориальной целостности государств, что подчеркивает важность вклада латиноамериканских политико-правовых теоретиков в формирование универсального международного права [Голубева, 2023: 69].

Важно отметить, что именно действия латиноамериканских юристов, близкие хронологически к выработке и универсализации доктрины Драго, на Второй международной конференции мира в Гааге в 1907 г. привели к закреплению принципа равенства государств, независимо от масштаба их экономики [Menezes, 2010: 231].

Нужно сказать, что исторически для внешнеполитического истеблишмента США свойственно искажение доктрины Драго посредством закрепления условий потенциального вмешательства в дела государства-должника, например, если последнее отказывается от арбитражного разрешения спора или отказывается исполнять его решение (конвенция Драго – Портера).

Примеров противостояния вмешательству во внутренние дела в латиноамериканской истории достаточно. В первой половине XIX в. колумбийский министр финансов Ф. Сото (Francisco Soto Montes de Oca, 1789–1846) выступал против преференций для иностранных экономических агентов в сравнении с национальными, а колумбийский министр иностранных дел Х. Велес (José Manuel Restrepo Vélez, 1781–1863) выступал за свободу выбора экономических партнеров без навязывания извне [Ларин, 2022: 506]. Против вмешательства во внутренние дела выступал мексиканский президент Б. Хуарес (1858–1872) (Benito Pablo Juárez García, 1806–1872), чья страна на протяжении XIX в. испытывала колоссальное внешнее давление. Политику предотвращения вмешательства во внутренние дела проводили мексиканский лидер В. Карранса (1917–1920) (Venustiano Carranza, 1859–1920), кубинский лидер Ф. Кастро (1959–2008) (Fidel Castro, 1926–2016), бразильский президент Э.Б. Гайзел (1974–1979) (Ernesto Geisel, 190–1996), который вопреки американским решительным протестам отстаивал право своей страны на развитие контактов в сфере ядерных технологий с ФРГ [Мартынов, 2019: 109].

Изображение военной агрессии против Венесуэлы во французской газете Le Petit Journal. 1902

Попытки вмешательства во внутренние дела латиноамериканских государств продолжаются и сегодня. Достаточно упомянуть ряд недавних заявлений американского президента Д. Трампа о введении санкций против судьи Верховного суда Бразилии А. Мораиса в связи с «неправильным» приговором бывшему бразильскому лидеру, стороннику Д. Трампа, Ж. Болсонару, что действующий бразильский лидер Л. да Силва уже обозначил как неприемлемое действие.

Остановимся отдельно на вопросе экономической безопасности, лежащем в основании обеспечения безопасности военно-политической. Слабое развитие латиноамериканских экономик в сочетании с доминирующим положением ведущих внешних акторов позволяло активно вмешиваться во внутренние дела посредством угроз экономического кризиса и военно-политического вмешательства для «защиты экономических интересов».

Ярким сторонником зависимого экономического курса был мексиканский диктатор второй половины XIX в. П. Диас (1877–1911) (José de la Cruz Porfirio Díaz Mori, 1830–1915). Его приближенные («сьентификос») выработали теорию, согласно которой мексиканцы неспособны самостоятельно построить свою экономику, для чего необходимо прибегнуть к помощи внешних акторов, а идеальный экономический режим виделся как связка креольской олигархии с иностранным капиталом. В начале XX в. в стране разгорелась великодержавная конкуренция США и Англии за доступ к мексиканским ресурсам, особенно нефтяным. Страна за счет притока иностранных инвестиций получила некоторое хозяйственное оживление, однако за ним последовала зависимость и обусловленное ею экономическое развитие, для которого характерно развитие добывающих отраслей, но отсутствие роста в обрабатывающих. Иностранный капитал обрел ведущие позиции в стратегически важных экономических командных высотах – железные дороги, нефте- и горнодобыча, торговая инфраструктура. Процесс исправления ситуации был сопряжен с мексиканской революцией 1910–1917 годов и курсом уже упомянутого мексиканского лидера В. Каррансы по ограничению участия иностранного капитала в развитии национальной экономики [Альперович, Слезкин, 1991: 259–261].

Из периода ранней независимости можно привести деятельность уругвайского лидера Ф. Риверы (1830–1834) (Fructuoso Rivera, 1784–1854), который видел свою страну как «перевалочный пункт для английского капитала», а в политических сводках британского Министерства иностранных дел Уругвай тех лет фигурировал как «слегка замаскированная колония Англии» [Ларин, 2022: 462–463]. Из более современных примеров уместно отметить курс аргентинского президента К. Менема (1989–1999) (Carlos Menem, 1930–2021), который отстаивал идею периферийного капитализма, где США отдавалась главенствующая роль в мировой экономике, а Аргентина стремилась к долларизации и вступлению в НАФТА, что в конечном итоге привело к дефолту [Яковлев, Яковлева, 2023].

Примером особого порядка выступает деятельность американской компании “United Fruits”. В 1950-х годах в Гватемале была запланирована аграрная реформа, угрожавшая монопольному положению упомянутой американской компании, что привело к активной поддержке Вашингтонском повстанцев и свержению лидера Х. Арбенса (1951–1954) (Jacobo Árbenz Guzmán, 1913–1971) с заменой его на проамериканского К. Армаса (1954–1957) (Carlos Castillo Armas, 1914–1957) [Мартынов, 2019: 60].

Одновременно с этим многие латиноамериканские деятели не желали мириться с этим зависимым положением. Для его преодоления были необходимы развитие национальной экономики и диверсификация внешнеэкономических связей. Значимым примером такой политики выступает деятельность чилийского президента Х.М. Бальмаседы (1886–1891) (José Manuel Balmaceda Fernández, 1840–1891), пытавшегося осуществить национализацию источников удобрения гуано, чем «не угодил» британским коммерсантам, которые поддерживали мятеж и организовали блокады чилийских портов, что привело к свержению чилийского лидера и его последующему самоубийству [Ларин, 2022: 430–432]. Эту идею отстаивали уругвайский лидер Х. Батлье (дважды занимал пост президента Уругвая с 1903 по 1915 г.) (Jose Batlle y Ordóñez, 1856–1929) в первой четверти XX в., стремившийся к национальной индустриализации [Ларин, 2022: 483–491], доминиканский лидер Х. Бош (1963) (Juan Emilio Bosch Gaviño, 1909–2001), выступавший за умеренность иностранного капитала [Глазунова, 2017: 97], боливийский президент В. Пас Эстенсоро (трижды занимал пост президента Боливии в период 1952–1989 гг.) (Ángel Víctor Paz Estenssoro, 1907–2001), национализировавший оловянные рудники, чилийский президент Э. Фрей (1964–1970) (Eduardo Nicanor Frei Montalva, 1911–1982), инициатор политики «чилинизации» экономики страны [Косевич, 2023: 166]. Суверенизация экономики впоследствии будет связываться с формулированием латиноамериканской концепции дессаролизма (от исп. *desarollo* ‘развитие’), состоящей в развитии национальной промышленной базы и профиците торгового баланса [Leguado Duca, 2012].

Важным дополнением выделяемого набора политико-правовых доктрин являются более узкие *доктрины Тобара – Эстрады* о независимости от внешнего признания правительств, согласно которым легитимность режима определяется только внутривнутриполитическими процессами и не зависит от решения иностранных государств [Борисов, 2016: 3], где альтернативой выступает *доктрина Ларреты*, согласно которой иностранные государства имеют право вмешиваться в дела других государств в случае революционных событий для поддержания стабильности, что, однако, не получило поддержки у большинства латиноамериканских государств при обсуждении на Панамериканских конференциях [Cerrano, 2019: 2].

Данная проблема не утратила актуальности. После победы на выборах президента Венесуэлы в 2019 г. Н. Мадуро не получил международного признания, поскольку ряд государств не посчитал выборы легитимными.

Вместо этого США, ЕС и 14 латиноамериканских государств признали лидером страны оппозиционного председателя Национальной ассамблеи Венесуэлы Х. Гуайдо, что поставило страну на грань гражданской войны. В этих условиях США во главе с Д. Трампом и ряд лояльных им латиноамериканских режимов, включая режим Ж. Болсонару в Бразилии, были готовы пойти на применение силы с целью «восстановления порядка» в Каракасе [Мартынов, 2024: 257–262]. Однако необходимо отметить, что подавляющее большинство латиноамериканских государств выступило против идеи американской интервенции [Хейфец, 2021: 56–58].

Дальнейшее развитие принципа неприменения силы и территориальной целостности нашло свое отражение в пакте Сааведра Ламаса (*доктрина Сааведра Ламаса*) 1933 г. об осуждении агрессии. Латиноамериканская инициатива стала идейным преемником пакта Бриана – Келлога 1928 года, призывавшего к отказу от войны в качестве решения международных споров [Коростелев, 2010], и получила свое название в честь министра иностранных дел Аргентины К. Сааведра Ламаса, выступившего главным посредником в урегулировании Чакской войны 1932–1935 годов. Идейная преемственность видна и в тексте договора, где подписавшие стороны заявляют о своем стремлении к приверженности уже сделанным со стороны других государств усилиям по укреплению «духа всеобщей гармонии».

В первой статье подписавшие стороны осуждают агрессивные войны как в рамках своих двусторонних отношений, так и в рамках отношений с другими странами и призывают к мирному разрешению споров в соответствии с международным правом. Во второй статье говорится о недопустимости силовых методов в решении территориальных споров, а стороны заявляют о своем непризнании любых территориальных изменений, произведенных за счет применения силы. В третьей статье отмечается, что в случае нарушения данного принципа участники договора солидарно применят все имеющиеся средства в соответствии с международным правом. Стороны вновь подтвердили свою приверженность принципу «*uti possidetis*» (влады, чем владеешь).

К. Сааведра Ламас (в центре) — первый латиноамериканец, получивший Нобелевскую премию мира за миротворческую роль в боливийско-парагвайском конфликте

Содержание данной доктрины легло в основу универсального понимания принципа ненападения в международных делах, что отразилось в Конвенции об определении агрессии 1933 года, в резолюции ГА ООН «Определение агрессии» и в других основополагающих документах [Голубева, 2023: 70].

Положения пакта получают свое воплощение на VII Панамериканской конференции 1933 года, где латиноамериканским странам удалось добиться от США гарантий непроведения интервенций, в Лимской декларации о противодействии внешней агрессии 1938 г., Панамской декларации 1939 г. о зоне безопасности вокруг Американского континента в 300 км (укрепление континентальной обороноспособности в условиях начинающейся Второй мировой войны), что в целом закрепилось серией межамериканских договоров Рио – Боготы, предполагающих и компонент совместной обороны.

Существенный вклад в реализацию этой доктрины внесла Бразилия, активно проводившая миролюбивую политику и до концептуализации вышеизложенной идеи. Это применимо и к мирному разрешению территориальных споров с Гайаной в начале XX века, деятельности видного государственного деятеля, министра иностранных дел Бразилии в начале XX в. Б. Риу-Бранко (José Paranhos, Baron of Rio Branco, 1845–1912) [Мартынов, 2004], чей курс последовательно продолжает и действующий бразильский лидер Л. да Силва, выступивший посредником в недавно обострившемся венесуэло-гайанском территориальном споре за богатый нефтью регион Эссекибо³. Эта внешнеполитическая преемственность отражается в выделяемом понятии лузо-бразильской культуры компромисса [Разумовский, 2023: 230].

Особенно примечательна позиция Бразилии в период перуано-колумбийской войны 1932–1933 годов за «трапецию Летисию».

Перуанский лидер С. Серро (Luis Miguel Sánchez Cerro, 1889–1933) (1931–1933) в 1932 г. решил пересмотреть ранее заключенное соглашение Саломон – Лосано о границах с Колумбией от 1922 г. и захватить небольшую территорию «трапеции Летисию». Между сторонами началась война. Бразилия сразу предложила свои посреднические усилия для урегулирования конфликта, выступила исполнителем двусторонних соглашений о временной передаче захваченных территорий международным посредникам, а впоследствии предоставила площадку для заключения мирного договора. Своими действиями бразильское правительство оказывало логистическую поддержку Колумбии, тем самым ограничив возможности для перуанского продвижения и развития оккупации колумбийской территории [Мартынов, 2019: 59].

³ Кряжев И. Политические последствия консультативного референдума и итоги переговоров Венесуэлы и Гайаны. РСМД. 20.12.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/politicheskie-posledstviya-konsultativnogo-referenduma-i-itogi-peregovorov-venesuely-i-gayany/> (accessed: 16.10.2025)

Безусловно, не все следуют правилу мирного разрешения споров. В пример можно привести курс генерала Х. Росаса (Juan Manuel de Rosas, 1793–1877), аргентинского диктатора первой половины XIX века, чья политика была агрессивна не только внутри страны в рамках подавления сепарирующихся провинций и истребления автохтонного населения, но и по отношению к соседям, что вылилось в кровопролитную, но безрезультатную аргентино-бразильскую войну 1825–1828 годов, территориальные споры и конфликты с Боливией и другими соседями [Казаков, 2015]. Здесь уместно упомянуть Парагвайскую войну 1864–1870, в результате которой Парагвай оказался полностью разоренным и, по ряду оценок, потерял больше 90% мужского населения [Chiavenato, 1979], Вторую тихоокеанскую войну 1879–1883 годов между Чили, с одной стороны, и Боливией и Перу — с другой, итоги которой до сих пор оказывают заметное влияние как на боливийско-чилийские отношения, так и на общее развитие Боливии в целом ввиду потери выхода к Тихому океану [Ларин, 2022: 403]. Наглядной иллюстрацией того же выступает и длительный территориальный спор между Эквадором и Перу с 1942 по 1999 год, Чакская война 1932–1935 годов между Боливией и Парагваем и другие конфликты в регионе.

На фоне преодоления вызовов региональной стабильности в XX в. получает развитие тенденция региональной интеграции со снижением участия Соединенных Штатов. Особняком здесь стоит *доктрина Брюма* о континентальной солидарности, которая была отражена в министерской ноте министра иностранных дел Уругвая Б. Брюма, опубликованной в 1917 г. под влиянием событий Первой мировой войны и имевшей целью объединить государства Америки, прежде всего Латинской Америки, поскольку к США относились с большей подозрительностью [Голубева, 2023: 71].

Б. Брюм даже предложил создание Лиги американских государств, которая выступила бы региональным аналогом Лиги Наций, а возникающие споры между американскими государствами, согласно устройству организации, должны были рассматриваться специальным арбитражным судом [Bum, 1920: 31–32]. Принцип солидарности, изложенный в доктрине, впоследствии станет основополагающим в упомянутом ранее Межамериканском договоре о взаимопомощи 1947 года, Уставе Организации американских государств (1948), а иногда подобную преемственность усматривают даже в Уставе НАТО [Голубева, 2023], где ст. 5 устанавливает принцип коллективной обороны.

Латиноамериканская солидарность является важным элементом боливарианской внешнеполитической традиции, поскольку призывает объединять усилия в деле обеспечения актуальной сегодня категории цивилизационного суверенитета. Одной из первых попыток воплощения этого принципа стал созыв южноамериканского конгресса в Лиме в 1847 г. по инициативе перуанского президента Р. Кастилья (трижды занимал пост с 1845 по 1863 год) (Ramón Castilla y Marquesado, 1797–1867), где обсуждался

вопрос о совместной обороне в случае интервенции великих держав [Альперович, Слезкин, 1991: 181]. Этого лидера в народе также именовали Освободителем, как и Боливара и Сан-Мартина (José Francisco de San Martín, 1778–1850). Он же выступал против американской авантюры У. Уокера в Никарагуа. На конгрессе были достигнуты договоренности о создании конфедерации государств, невмешательстве, торговле и навигации, мирном разрешении споров [Valladao, 1961: 34–35]. Данная инициатива была важным шагом в развитии латиноамериканской солидарности, даже несмотря на то, что в ней приняли участие лишь Эквадор, Боливия, Новая Гранада и Перу.

Идею единения отстаивали многие латиноамериканские лидеры: чилийский министр иностранных дел А. Планета (Antonio Planet Cordero, 1894–N/A), предлагавший в 1930-е годы ограничить влияние США путем создания экономического, таможенного и финансового союза, уругвайский лидер Г. Терра (1931–1938) (José Luis Gabriel Terra Leivas, 1873–1942) с идеей Лиги латиноамериканских государств [Богатуров, 1998], перуанский лидер М. Прадо (Manuel Prado y Ugarteche, 1889–1967) (дважды занимал пост президента: с 1939 по 1945 г. и с 1956 по 1962 г.), отстаивавший идею культурного латиноамериканского единства «латинидад» [Palamara, 2021]. Но, безусловно, главным продуктом идеи солидарности стало развитие интеграционных и трансрегиональных процессов на континенте: УНАСУР, СЕЛАК, отчасти даже БРИКС другие интеграции, синергетически повышающие экономический и политический потенциал латиноамериканских государств.

Альтернативный подход может быть представлен, к примеру, деятельностью чилийского президента А. Пинто (1876–1881) (Aníbal Pinto Garendía, 1825–1884), начавшего Вторую тихоокеанскую войну. Безусловно, А. Пинто отстаивал интересы Чили, препятствуя национализации чилийских предприятий в Боливии, но действовал во многом в интересах Англии, крупнейшие предприниматели которой всячески подстрекали к началу боевых действий. Бывший госсекретарь США Г. Блейн (James G. Blaine, 1830–1893) писал об этом: «Это война Англии с Перу руками чилийской армии... Чили никогда бы не продвинулась ни на дюйм без поддержки английского капитала, и ни одна из политических комбинаций в истории не была разыграна столь искусно, как эта война, вся добыча и трофеи от которой достались англичанам». А последующие попытки чилийцев национализировать свою промышленность привели к уже описанным событиям с участием президента Х.М. Бальмаседы.

Впрочем, некоторые государства и сегодня — в силу разных причин и обстоятельств — препятствуют латиноамериканской интеграции, активно продвигая панамериканские инициативы: Аргентина Х. Милей⁴, Эквадор Д. Нобoa, Перу Д. Болуарте и другие.

⁴ Сыроежжина А. Хавьер Милей: фрик или непонятый гений? РСМД. 02.07.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/young-and-smart/khaver-miley-frik-ili-neponyatyy-geuiy/> (accessed: 16.10.2025).

Заключение

В основе легалистской традиции внешней политики латиноамериканских государств лежат цивилизационные и исторические основания. К первым относится развитое наследие иберийской антропосферы с ее акцентом на формальное законодательство и бюрократическую регламентацию, дополненное идеями европейского Просвещения, верой в общественный договор и естественное право. Ко вторым — отсутствие ресурсов для защиты от асимметричных силовых вызовов и революционная природа государствогенеза, сделавшая право инструментом легитимации и оружием слабого, «великим уравниателем». Эти обстоятельства сформировали уникальный фундамент внешнеполитической традиции региона, для которой характерно сочетание политико-правовых доктрин, направленных на обеспечение стабильности, и внутреннего идеологического диссонанса в их восприятии и применении. Именно в этом поле напряженности между нормативным идеалом и прагматической необходимостью продолжают приниматься конкретные внешнеполитические решения. Историческая динамика региона демонстрирует доминирование боливарианской традиции, основанной на «силе права», при сохранении элементов сантандеровского курса, апеллирующего к «праву силы», что составляет центральную нормативную дихотомию латиноамериканского международного поведения.

Уникальный политико-правовой характер латиноамериканских доктрин, обусловленный исторической предрасположенностью к легалистскому разрешению споров, оказался тем эффективным эволюционно-адаптационным механизмом, который позволил региону, несмотря на цивилизационную разнородность и сложное этнокультурное наследие, поддерживать хрупкий региональный баланс и свое выживание в нем.

В теоретическом отношении изучение политико-правовых доктрин позволяет проследить, каким образом абстрактные импульсы давления анархической международной системы манифестируются в конкретной, персонализированной и концептуально оформленной внешнеполитической практике отдельных государств. Последнее дает возможность уточнить и дополнить теоретические представления о внешнеполитическом процессе, способствуя сближению теорий внешней и международной политик.

Список литературы / References

- Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. (ред.) (2017) *Латинская Америка и международное право*, Москва, РУДН, 312 с.
- Abashidze A.H., Solncev A.M. (red.) (2017) *Latinskaya Amerika i mezhdunarodnoe pravo* [Latin America and international law], Moscow, RUDN, 312 p. (In Russian)

Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. (1991) *История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX в.*, Москва, Высшая школа, 290 с.

Al'perovich M.S., Slezkin L.Yu. (1991) *Istoriya Latinskoj Ameriki s drevneishikh времен do nachala XX v.* [The history of Latin America from ancient times to the early 20th century], Moscow, Vysshaya shkola, 290 p. (In Russian)

Арсеньев И.А., Блищенко В.И. (2011) *Основные внешнеполитические доктрины в отношениях между США и странами Латинской Америки*, Москва, Современная экономика и право, 87 с.

Arsen'ev I.A., Blishchenko V.I. (2011) *Osnovnye vneshnepoliticheskie doktriny v otnosheniyah mezhdu SShA i stranami Latinskoj Ameriki* [The main foreign policy doctrines in relations between the United States and Latin American countries], Moscow, Sovremennaya ekonomika i pravo, 87 p. (In Russian)

Богатуров А. Д. (1997) *Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995)*, Москва, Конверт — МОНФ, 353 с.

Bogaturov A. D. (1997) *Velikie derzhavy na Tihom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle vtoroj mirovoj vojny (1945–1995)* [The Great Powers in the Pacific. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945–1995)], Moscow, Konvert — MONF, 353 p. (In Russian)

Богатуров А.Д. (ред.) (1998) *Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах*, Москва, МОНФ, 351 с.

Bogaturov A.D. (ed.) (1998) *Krizis i vojna: Mezhdunarodnye otnosheniya v centre i na periferii mirovoj sistemy v 30–40-h godah* [Crisis and War: International Relations in the Center and Periphery of the World System in the 1930s and 1940s], Moscow, MONF, 351 p. (In Russian)

Борисов Н.А. (2016) Институт признания в международном праве: теория и практика, *Огарев-Online*, № 3–13, с. 1–8.

Borisov N.A. (2016) Institut priznaniya v mezhdunarodnom prave: teoriya i praktika [The Institute of Recognition in International Law: Theory and Practice], *Ogarev-Online*, no. 3–13, pp. 1–8. (In Russian)

Глазунова Е.Н. (2017) «Мы пытались спасти эту страну»: администрация Л.Б. Джонсона и вторжение США в Доминиканскую Республику (1965 г.), *Вестник МГУ. Серия 8. История*, № 2, с. 94–118.

Glazunova E.N. (2017) «*My pytalis' spasti etu stranu*»: administraciya L.B. Dzhonsona i vtorzhenie SShA v Dominikanskuyu Respubliku (1965 g.) [“We Were Trying to Save This Country”: The Johnson Administration and the U.S. Invasion of the Dominican Republic (1965)], *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriia*, no. 2, pp. 94–118. (In Russian)

Глинкин А.Н. (1991) *Дипломатия Симона Боливара*, Москва, Международные отношения, 352 с.

Glinkin A.N. (1991) *Diplomatiya Simona Bolivara* [The Diplomacy of Simon Bolivar], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 352 p. (In Russian)

Голубева М.В. (2023) Исторические истоки доктрин международного права в Латинской Америке (XIX–XX вв.), *Московский журнал международного права*, № 2, с. 63–76.

Golubeva M.V. (2023) Istoricheskie istoki doktrin mezhdunarodnogo prava v Latinskoj Amerike (XIX–XX vv.) [Historical Origins of International Law Doctrines in Latin America (19th–20th Centuries)], *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 2, pp. 63–76 (In Russian)

Исэров А.А. (2011) *США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830*, Москва, Университет Дмитрия Пожарского, 674 с.

Iserov A.A. (2011) *SShA i bor'ba Latinskoj Ameriki za nezavisimost' 1815-1830* [The United States and Latin America's Struggle for Independence, 1815-1830], Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo, 674 p. (In Russian)

Казаков В.П. (2015) Аргентинский диктатор Хуан Мануэль де Росас, *Новая и Новейшая история*, № 5, с. 185–198.

Kazakov V.P. (2015) Argentinskij diktator Huan Manuel' de Rosas [Argentine dictator Juan Manuel de Rosas], *Novaya i Novejshaya istoriya*, no. 5, pp. 185–198. (In Russian)

Коростелев С.В. (2010) Правовое регулирование применения силы в международных отношениях в период действия статута Лиги наций, *Управленческое консультирование*, № 3, с. 86–94.

Korostelev S.V. (2010) Pravovoe regulirovanie primeneniya sily v mezhdunarodnyh otnosheniyah v period dejstviya statuta Ligi nacij [Legal regulation of the use of force in international relations during the period of the League of Nations Statute], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 3, pp. 86–94. (In Russian)

Косевич Е.Ю. (2023) Теоретические основания внешней политики стран Латинской Америки, *Международные процессы*, № 21–1, с. 162–188.

Kosevich E.Yu. (2023) Teoreticheskie osnovaniya vneshnej politiki stran Latinskoj Ameriki [Theoretical Foundations of Latin American Foreign Policy], *Mezhdunarodnye processy*, no. 21–1, pp. 162–188. (In Russian)

Ларин Е.А. (ред.) (2022) *Великобритания и Латинская Америка (XVI–XXI вв.)*, Москва, Наука, 636 с.

Larin E.A. (ed.) (2022) *Velikobritaniya i Latinskaya Amerika (XVI–XXI vv.)* [Great Britain and Latin America (16th–21st Centuries)], Moscow, Nauka, 636 p. (In Russian)

Макшанцева Ю.С. (2011) Международные способы правовой защиты иностранных инвестиций, *Вестник ОГУ*, № 3, с. 78–82.

Makshanceva Yu.S. (2011) Mezhdunarodnye sposoby pravovoj zashchity inostrannyh investicij [International ways of legal protection of foreign investments], *Vestnik OGU*, no. 3, pp. 78–82. (In Russian)

Мартынов Б.Ф. (2000) *Безопасность: латиноамериканские подходы*, Москва, ИЛА РАН, 322 с.

Martynov B.F. (2000) *Bezopasnost': latinoamerikanskije podhody* [Security: Latin American approaches], Moscow, ILA RAN, 322 p. (In Russian)

Мартынов Б.Ф. (2004) “Золотой канцлер”. Барон де Рио-Бранко – великий дипломат Латинской Америки, Москва, ИЛА РАН, 155 с.

Martynov B.F. (2004) “Zolotoj kancler”. Baron de Rio-Branko – velikij diplomat Latinskoj Ameriki [“The Golden Chancellor”. Baron de Rio Branco, a great Latin American diplomat], Moscow, ILA RAN, 155 p. (In Russian)

Мартынов Б.Ф. (2015) «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее?, Москва, ИЛА РАН, 172 с.

Martynov B.F. (2015) «Zapad» i «ne-Zapad»: proshloe, nastoyashchee... budushchee? [“West” and “non-West”: the past, the present... the future?], Moscow, ILA RAN, 172 p. (In Russian)

Мартынов Б.Ф. (2019) *История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна: XX – начало XXI века*, Москва, Аспект Пресс, 320 с.

Martynov B.F. (2019) *Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij stran Latinskoj Ameriki i Karibskogo bassejna: XX – nachalo XXI veka* [History of International Relations in Latin America and the Caribbean: The 20th and Early 21st Centuries], Moscow, Aspekt Press, 320 p. (In Russian)

Мартынов Б.Ф. (2024) *История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна: XX – начало XXI века*, Москва, Аспект Пресс, 368 с.

Martynov B.F. (2024) *Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij stran Latinskoj Ameriki i Karibskogo bassejna: XX – nachalo XXI veka* [History of International Relations in Latin America and the Caribbean: The 20th and Early 21st Centuries], Moscow, Aspekt Press, 368 p. (In Russian)

Нагиева А.А. (2019) *Дипломатическая защита*, Москва, МГИМО-Университет, 272 с.

Nagieva A.A. (2019) *Diplomaticheskaya zashhita* [Diplomatic protection], Moscow, MGIMO University, 272 p. (In Russian)

Разумовский В.М. (ред.) (2023) *Краткий курс регионоведения. Латинская Америка*. Санкт-Петербург, Издательство СПбГЭУ, 241 с.

Razumovskij V.M. (ed.) (2023) *Kratkij kurs regionovedeniya. Latinskaya Amerika* [An Intense Course in Regional Studies. Latin America]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGE`U, 241 p. (In Russian)

Сударев, В. П. (2008) «Левый поворот» в Латинской Америке и имидж России в регионе. *Латинская Америка* № 9, с. 4–10.

Sudarev, V. P. (2008) *Levy' j povorot v Latinskoj Amerike i imidzh Rossii v regione*. [“Left turn” in Latin America and Russia's image in the region], *Latinskaya Amerika*, no. 9, pp. 4–10. (In Russian)

Турьгин А.А. (2021) Венесуэла в фокусе пангерманизма, *Латинская Америка*, № 8, с. 79–91. DOI: 10.31857/S0044748X0014113-3

Turygin A.A. (2021) *Venesuela v fokuse pangermanizma* [Venezuela in the Focus of Pan-Germanism], *Latinskaya Amerika*, no. 8, pp. 79–91. DOI: 10.31857/S0044748X0014113-3 (In Russian)

Хейфец В.Л. (2021) Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых, *Латинская Америка*, № 5, с. 50–68. DOI: 10.31857/S0044748X0014504

Hejfecz V.L. (2021) *Mesto Latinskoj Ameriki v mnogopolyarnom mire: vzglyady i podxody rossijskix uchenyx* [The Place of Latin America in a Multipolar World: Views and Approaches of Russian Scholars], *Latinskaya Amerika*, № 5, 50–68 pp. DOI: 10.31857/S0044748X0014504-3 (In Russian)

Хрусталева М.А. (2008) *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии*, Москва, НОФМО, 230 с.

Hrustalev M.A. (2008) *Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii* [Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology], Moscow, NOFMO, 230 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2001) *Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*, Москва, Наука, 391 с.

Shemyakin Ya.G. (2001) *Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vseмирной istorii* [Europe and Latin America: The Interaction of Civilizations in the Context of World History], Moscow, Nauka, 391 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2025) Еще раз о глобализации, правах человека и «антропологическом оптимизме». Размышления над статьей Мириам Фернандес Кальсады, *Иberoамериканские тетради*, № 2, с. 189–202. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-2-189-202

Shemyakin Ya.G. (2025) *Eshhe raz o globalizacii, pravax cheloveka i «antropologicheskoy optimizme»*. *Razmyshleniya nad stat'ej Miriam Fernandez Kal'sady* [Once again, on globalization, human rights and “anthropological optimism”. Reflections on the article by Miriam Fernández Calzada], *Iberoamerican papers*, no. 2, pp. 189–202. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-2-189-202 (In Russian)

Яковлев П.П., Яковлева Н.М. (2023) Аргентинский прецедент: экономический кризис определил новое лидерство, *Перспективы*, № 4, с. 38–54.

Yakovlev P.P., Yakovleva N.M. (2023) Argentinskij precedent: ekonomicheskij krizis opredelil novoe liderstvo [The Argentinean Precedent: Economic Crisis Determines New Leadership], *Perspektivy*, no. 4, pp. 38–54. (In Russian)

Bello A. (1883) *Obras completas* [Complete works], vol. 6. Santiago de Chile, Pedro G. Ramirez, 636 p. (In Spanish)

Boggiano B. (2024) *Long-term Effects of the Paraguayan War (1864-1870) on Intimate Partner Violence*, *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 222, pp. 177–224.

Brum B. (1920) *Solidaridad Americana* [American Solidarity], Montevideo, Imprenta Nacional, 32 p. (In Spanish)

Calvo C. (1868) *Derecho internacional teórico y práctico de Europa y América* [Theoretical and practical international law of Europe and America], Paris, D'Amiot, 610 p. (In Spanish)

Cerrano C. (2019). El impacto de la doctrina Larreta en la política interna uruguaya [The impact of the Larreta doctrine on Uruguayan internal politics], *Revista de La Facultad de Derecho*, no. 47, p. 1–32. DOI: 10.22187/rfd2019n47a12 (In Spanish)

Chiavenato J.J. (1979) *Genocidio americano: a guerra do Paraguai* [American genocide: the Paraguayan War], São Paulo, Brasiliense, 205 p. (In Portuguese)

Ciria A. (1974) *Parties and Power in Modern Argentina 1930–1946*, Albany, State University of New York Press, 357 p.

Fernández Calzada M. (2025) «El hombre no es un lobo para el hombre, es hombre». Sobre la convivencia de los pueblos en otro orden internacional. Francisco de Vitoria y la escuela de Salamanca [«Man is Not a Wolf to Man, but a Human». On the Coexistence of Peoples in Another International Order. Francisco de Vitoria and the School of Salamanca], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 56–74. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-56-74 (In Spanish)

Leguado Duca A.C. (2012) Desarrollo y neodesarrollo. Un análisis político [Developmentalism and neo-developmentalism. A political analysis], *Aportes para el estado y administración gubernamental*, no. 30, p. 71–88. (In Spanish)

Menezes W. (2010) *Derecho internacional en América Latina* [International law in Latin America], Brasília, FUNAG, 368 p. (In Spanish)

Obregón L. (2006) Between Civilization and Barbarism: Creole Interventions in International Law, *Third World Quarterly*, no. 27–5, pp. 815–832.

Palamara G. (2021) La Doctrina Prado y la ilusión de un bloque latino en el marco de la Guerra Fría [The Prado Doctrine and the illusion of a Latin bloc in the context of the Cold War], *Iberoamericana*, no. 77, pp. 169–187. DOI: 10.18441/ibam.21.2021.77.169-187 (In Spanish)

Shemiakin Y. (2017) La Civilización Latinoamericana en el Mundo en Globalización [The Latin American Civilization in the World in Globalization], *Cuadernos del CEL*, vol. 2, no. 3, pp. 251–281. (In Spanish)

Sikkink K. (2015) Latin America's Protagonist Role in Human Rights, *Sur International Journal on Human Rights*, vol. 12, no. 22, pp. 207–219.

Valladao H. (1961) *Democratização e socialização do direito internacional: os impactos latino-americano e afro-asiático* [Democratization and socialization of international law: the Latin American and afro-Asian impacts], Rio de Janeiro, Livraria José Olímpio, 336 p. (In Portuguese)

Webster C.K. (1938) *Britain and the Independence of Latin America. Selected Doc*, New York, Octagon Books, 592 p.